

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

ПАВЕЛ ИВАНОВ

18+

Павел Иванов

После полуночи

«Автор»

2026

Иванов П. Р.

После полуночи / П. Р. Иванов — «Автор», 2026

Елена приезжает в закрытый клуб «Ноктюрн», где за дорогими интерьерами действуют жесткие правила: шаг в сторону — и тебя вычеркивают. Она привыкла держать дистанцию, но с первой же ночи сталкивается с Артёмом — мужчиной, который не отступает и не прощает лжи. Их притяжение растёт в коридорах под камерами, на публичных разборах и в тишине после полуночи. Каждая встреча — проверка на контроль: кто поведет, кто сорвется, кто первым скажет лишнее. Когда в сеть утекают фрагменты их разговоров, личное становится оружием. Репутации горят, союзники меняют сторону, а любой неверный ответ может уничтожить и клуб, и их самих. Здесь нельзя спрятаться за ролью. После полуночи остается только правда. Вопрос один: кто заплатит за нее первым?

© Иванов П. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приглашение без подписи	5
Глава 2. Девять минут опоздания	11
Глава 3. Пять минут тишины	16
Глава 4. Ужин под камерами	21
Глава 5. Чемодан у двери	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Павел Иванов

После полуночи

Глава 1. Приглашение без подписи

— Паспорт, пожалуйста.

Я ставлю чемодан у стойки, отдаю документ и понимаю, что дороги назад нет.

В холле «Ноктюрна» тихо, но людей много: дорогие пальто, сжатые челюсти, никто не смотрит друг другу в глаза.

Я подписываю лист с правилами и дважды читаю одну строку: остановить контакт можно в любую секунду.

Когда поднимаю голову, в дверях уже стоит Артём, и зал мгновенно замолкает.

Первый брифинг начинается без представлений. Я сажусь ближе к проходу, чтобы видеть и выход, и его лицо.

Артём встаёт напротив и ждёт первого слова.

— Начнём?

— Подождите.

Фраза вылетает из меня раньше, чем я успеваю прикусить язык.

В зале сразу поднимается глухой шум, кто-то роняет ручку, кто-то откровенно улыбается.

— Если здесь всё добровольно, зачем на входе половина людей выглядит как на допросе?

Артём смотрит на меня дольше обычного. Я уже чувствую, как внутри поднимается жар, но не останавливаюсь.

— Хороший вопрос, — говорит он ровно.

— Начнём с него.

— Тогда да.

Я поворачиваюсь к окну и возвращаюсь к разговору.

Я держу голос ровно, но ладони скользят, и пульс бьёт в запястьях. Она машинально проводит пальцами по манжете.

Спустя полчаса мы в узком лифте. Неон у двери нервно подмигивает.

Железный запах радиатора щиплет нос. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

— Не молчи.

Я втягиваю воздух медленно, чтобы не сорваться на крик.

— Я пытаюсь сказать аккуратно.

— Ты снова говоришь так, будто ничего не чувствуешь.

Я прячу ладони в карманы, чтобы скрыть дрожь.

— А ты снова торопишь, когда мне нужно перевести дыхание.

— Ладно. Сбавляем.

Я отвожу взгляд в окно и снова поворачиваюсь обратно.

— Сбавляем.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Дверь прикрывается мягко, а внутри всё равно вздрагивает.

Ближе к полуночи мы на лестнице между этажами. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

От одежды тянет дождём и сладковатым парфюмом. Экран вспыхивает на секунду и гаснет.

К нам подходит сотрудник, и ритм разговора ломается.

— Вы слишком увлеклись друг другом.

— Мы ничего не делаем молча.

Я убираю руки в карманы, пока пальцы не успокоятся.

— Это легко сказать задним числом.

— Легко врать. Мы не врём.

Я подхожу к окну на шаг и возвращаюсь.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Оба варианта режут одинаково. Она цепляет рукав и тут же отпускает.

Ещё позже мы в пустой переговорной. Низкий свет не снимает остроту момента.

В воздухе мокрый асфальт и тонкий шлейф духов. Пальцы скользят по ткани рукава, будто ей нужен якорь.

Я отворачиваюсь к окну и медленно считаю до трёх. Артём не трогает меня, только ждёт.

— Не решай это за меня.

— Не буду.

Я делаю шаг к нему и замираю на полпути.

— Скажи ещё раз.

— Нет, не стану.

Я провожу пальцами по стеклу стакана, чтобы не сжать кулаки.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Ни один вариант не кажется лёгким. Стакан глухо ударяется о стол.

На обратном пути мы в служебной кухне. Линия света под потолком подрагивает.

Пахнет заваркой, книгами и тонкой табачной горечью. Я опускаю стакан чуть резче, чем собиралась.

Экран вспыхивает. От двух строк по спине проходит холод.

— Что случилось?

Я чувствую, как горло пересыхает ещё до ответа.

— Плохо.

— Нас это утопит?

Я сую ладони в карманы, чтобы не выдать дрожь.

— Если разбежимся — точно.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Часы соскальзывают с его запястья на столешницу.

Перед самым закрытием мы на парковке под дождём. Лампа моргает едва заметно.

Пахнет сухим деревом и мокрым ночным воздухом. В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

Мы оказываемся ближе, и оба это замечаем. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Можно?

Я киваю раньше, чем успеваю испугаться.

— Можно.

Поцелуй короткий, почти на выдохе. После него говорить сложнее.

Я первой хватаю его за ворот рубашки и тяну обратно, будто за эту секунду можно отыграть всё молчание вечера.

Второй поцелуй выходит резким, почти злым, и я сама же отстраняюсь, тяжело дыша.

— Чёрт, — выдыхаю я.

— Так нельзя.

— Нельзя, — отвечает он, не отводя взгляда.

Голос спокойный, пальцы — нет. Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

Мы расходимся на пару шагов и просто дышим.

Я поправляю рукав, он поднимает с пола упавший ключ-карту.

Никто не говорит ни слова, но между нами уже нет прежней безопасной дистанции.

Через час мы в машине на красном светофоре. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Рука срывается, и стакан звенит о край столешницы.

Ночь дожимает до простых слов. После полуночи на её двери загорается индикатор: «Библиотека. Сейчас».

— Дальше вместе?

— Да, начинаем.

Я прислоняюсь к холодной стене и считаю до трёх.

— Даже если снова накроет?

— Даже тогда.

Я заправляю волосы за ухо и медленно вдыхаю.

Голос держится, а пальцы выдают меня первой дрожью. Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

К одиннадцати мы в гримёрке за сценой. Пол рассечён полосой холодного света.

Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

Мы садимся рядом на край стола. Усталость делает нас честнее.

— Мне страшно.

— Мне тоже.

Я опираюсь бедром о стол, не сокращая расстояние.

— Тогда не пропадай.

— Не исчезну.

Я поднимаю подбородок и выдерживаю его взгляд.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. За дверью вспыхивает чужой смех и обрывается.

Почти в полночь мы у пруда во внутреннем саду. Свет дрожит на краю стены.

От старой батареи идёт металлическая сухость. Он убирает часы, будто освобождает руки для серьёзного разговора.

Артём останавливается напротив и не торопит.

— Поехали?

— Да. Без обходов.

Я упираюсь бедром в край стола и держу между нами воздух.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Оба пути плохие, и это бесит. Снаружи кто-то смеётся, но звук быстро тонет.

После короткой паузы мы у стойки регистрации. Свет бьёт в лицо жёстко, без тени.

Батарея отдаёт железом и тёплой краской. Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

— Не молчи.

— Я пытаюсь сказать аккуратно.

— Ты опять закрылась.

Я вскидываю подбородок и смотрю прямо, не отводя глаз.

— А ты опять давишь темпом.

— Хорошо, идём медленнее.

Я опираюсь о стол и оставляю между нами безопасный промежуток.

— Идём.

Если соврну сейчас, меня тряхнёт раньше, чем его. В коридоре мелькает смех и сразу тишина.

Немного позже мы в зале с полукругом кресел. Лампы делают лица резкими и уставшими.

В воздухе дерево и холод, как в пустом театре после дождя. Часы ложатся на стол тихим металлическим звуком.

В разговор врезается чужой голос.

— Здесь больше личного, чем дела.

— Здесь всё сказано вслух.

Я поднимаю голову чуть выше и смотрю в упор.

— После события все смелые.

— После события обычно лгут. Мы не лжём.

Я прижимаюсь бедром к столу, не позволяя себе подойти ближе.

Держу тон, хотя ладони холодные и влажные. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

Через десять минут мы в стеклянной галерее. От окна тянется светлая линия по плитке.

Пахнет мокрой тканью, кофе и металлом. Дверь закрывается почти бесшумно, а отзвук остаётся в груди.

Поворачиваюсь к стеклу и считаю, чтобы не сорваться. Артём не трогает меня, только ждёт.

— За меня не выбирай.

— Я не буду решать это за тебя.

Я отхожу на полшага и упираюсь ладонью в стол.

— Повтори вслух.

— Не сделаю этого.

Я стискиваю ремешок сумки и сразу разжимаю пальцы.

Ещё шаг — и обратный путь станет больнее. Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

Позже мы в библиотеке между тёмными полками. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Пахнет сухим деревом и мокрым ночным воздухом. Телефон щёлкает уведомлением и умирает в тишине.

Телефон загорается, и внутри всё сжимается. Сообщение короткое, но жёсткое.

— Что пришло?

— Неприятно.

Я прячу руки в карманы и жду, пока отпустит.

— Мы это переживём?

— Да, если каждый уйдёт в свою сторону.

Я оборачиваюсь к окну, выдыхаю и снова иду назад.

Замок щёлкает негромко, но по нервам проходит остро.

Спустя полчаса мы в узком лифте. Подсветка чуть мерцает, как на плохом кадре.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Дверь садится в проём без хлопка, и всё равно становится жёстче.

Расстояние между нами почти исчезает. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Разрешить?

— Да. Сейчас.

Я двигаюсь к нему на шаг и останавливаюсь.

Губы встречаются на секунду. И сразу каждое слово весит больше.

Я держу голос ровно, но ладони скользят, и пульс бьёт в запястьях. Телефон коротко дрожит и затихает.

Ближе к полуночи мы на лестнице между этажами. Окно бросает на пол узкую световую дорожку.

От батареи пахнет железом и пылью. Часы соскальзывают с его запястья на столешницу.

— Продолжаем?

— Да, слушаю.

Я веду пальцами по краю стакана, сдерживая руки.

— Даже если снова будет трудно?

— И тогда тоже.

Я подаюсь вперёд, но торможу себя на месте.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Оба решения колют одинаково больно. Стакан глухо ударяется о стол.

Ещё позже мы в пустой переговорной. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

Пахнет мокрой тканью, кофе и металлом. Экран вспыхивает на секунду и гаснет.

Мы опускаемся рядом. Усталость быстро снимает лишнюю броню.

— Я боюсь.

— Мне так же.

Я упираюсь спиной в стену и считаю про себя: раз, два, три.

— Тогда оставайся в разговоре.

— Не уйду.

Я убираю прядь с лица и набираю воздух в лёгкие.

Ещё шаг, и откатить назад уже не выйдет без боли. В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

На обратном пути мы в служебной кухне. Низкий свет не снимает остроту момента.

Дождь и парфюм смешались в один резкий запах. Он убирает часы, будто освобождает руки для серьёзного разговора.

— Ты со мной?

— Я здесь.

Я сжимаю ремешок на секунду и отпускаю.

— Ты прячешься в ровном голосе.

— А ты жмёшь на газ.

Я делаю полшага назад и ставлю ладонь на край стола.

— Тормозим.

— Тормозим. Сейчас.

Я вцепляюсь в ремешок сумки, потом убираю руку.

Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

Перед самым закрытием мы на парковке под дождём. На полу лежит прямоугольник холодного света.

Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Она поправляет манжету, хотя в этом нет нужды.

— Идём вперёд?

— Да. Сейчас.

Я убираю ладони в карманы, не давая пальцам дрожать на виду.

— Даже если нас снова потряхнёт?

— Да, даже так.

Я смотрю в окно пару секунд и возвращаюсь.

Лифт останавливается на моём этаже, а у меня всё ещё дрожат пальцы.

На двери номера мигает узкая полоска света: «Библиотека. Сейчас».

Я смотрю на сообщение и понимаю, что назад в спокойный вечер уже не вернусь.

Глава 2. Девять минут опоздания

Свет ложится так, что не спрятаться.
Снаружи давит уколы Ильи при всех.
Я вижу Елену в конце коридора и сразу считаю риски: лёгкого разговора не будет.
Спустя полчаса мы в пустой переговорной. Лента неона моргает с неприятным ритмом.
Елена встаёт напротив и ждёт моего хода.

— Готова?
— Да, идём.

Я кладу ладонь на стол и смотрю ей в глаза.
Ближе к полуночи мы в служебной кухне. Лампы подсвечивают каждую эмоцию.

— Можно ближе?
— Можно, если аккуратно.

Я расправляю плечи и выравниваю дыхание.

— Ты ставишь стену из спокойствия.
— А ты лезешь напролом.

Я отодвигаю стул и остаюсь на ногах.

— Берём паузу и говорим тише.
— Да, тише.

Я развожу плечи назад и дышу ровнее.
Телефон щёлкает уведомлением и умирает в тишине.
Ещё позже мы на парковке под дождём. Пол рассечён полосой холодного света.
К нам подходит сотрудник и задаёт вопрос так, будто это допрос.

— Это уже не работа.
— Это работа без фальши.

Я прячу часы в карман и коротко киваю.

— Так все говорят.
— Не все говорят правду.

Я подхожу на шаг и тут же держу дистанцию.
Дверь прикрывается мягко, а внутри всё равно вздрагивает.
На обратном пути мы в машине на красном светофоре. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Чай, бумага и табак смешиваются в густой тёплый запах. Экран вспыхивает на секунду и гаснет.

Я смотрю в окно и считаю до трёх, собирая дыхание. Елена не трогает меня, только ждёт.

— Не делай шаг за меня.
— Обещаю, не буду.

Я дохожу до двери и возвращаюсь.

— Ещё раз, пожалуйста.
— Не буду.

Я стягиваю пиджак и бросаю его на спинку кресла.
Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

Перед самым закрытием мы в гримёрке за сценой. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Экран бьёт светом в глаза. Пара слов — и становится холоднее.

— Что в сообщении?

— Новости тяжёлые.

Я упираюсь ладонью в край стола и не отвожу взгляда.

— Нас размажет?

— Рухнет, если отпустим друг друга.

Я отступаю на полшага, оставляя ей пространство.

Через час мы у пруда во внутреннем саду. Неон мелькает, добавляя злости.

Мы подходим ближе на полшага. Я касаюсь её запястья и жду кивка.

— Я могу?

— Можно. Я не отступаю.

Я переворачиваю телефон экраном вниз и убираю ладонь.

Поцелуй выходит тихим. После него тишина режет сильнее.

К одиннадцати мы у стойки регистрации. От окна тянется светлая линия по плитке.

Ночь дожимает до простых слов. В полночь она впервые говорит: «Артём», без фамилии.

— Мы не останавливаемся?

— Да.

Я ставлю локти на стол и переплетаю пальцы.

— Даже если будет больно?

— И в этот раз тоже.

Я кладу телефон лицом к столу и отдёргиваю руку.

За дверью вспыхивает чужой смех и обрывается.

Почти в полночь мы в зале с полукругом кресел. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

Садимся бок о бок на край стола. Роли осыпаются сами.

— Мне не по себе.

— Я тоже это чувствую.

Я выпрямляю плечи и ловлю спокойный ритм дыхания.

— Тогда не уходи в тишину.

— Я здесь.

Я сдвигаю стул вбок и не сажусь.

Важнее слышать, чем спорить. Снаружи кто-то смеётся, но звук быстро тонет.

После короткой паузы мы в стеклянной галерее. Низкий свет не снимает остроту момента.

Железный запах радиатора щиплет нос. Дверь закрывается почти бесшумно, а отзвук остаётся в груди.

Елена останавливается напротив и молчит.

— Входим?

— Да, начинаем.

Я распрямляю спину и дышу глубже.

Замок щёлкает негромко, но по нервам проходит остро.

Немного позже мы в библиотеке между тёмными полками. Неоновая полоска у двери дрожит и раздражает.

— Можно ближе?

— Да, можно.

Я иду к двери, но разворачиваюсь обратно.

— Ты снова говоришь так, будто ничего не чувствуешь.

— А ты снова торопишь, когда мне нужно перевести дыхание.

Я снимаю пиджак и аккуратно вешаю на спинку стула.

— Ладно. Сбавляем.

— Сбавляем.

Я делаю пару шагов к выходу и возвращаюсь.

Дверь садится в проём без хлопка, и всё равно становится жёстче.

Через десять минут мы в узком лифте. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

К нам подходит человек из команды, и разговор тут же срывается.

— Вы слишком увлеклись друг другом.

— Мы ничего не делаем молча.

Я делаю полшага назад, чтобы дать ей воздух.

— Это легко сказать задним числом.

— Легко врать. Мы не врём.

Я ставлю ладонь на столешницу и смотрю прямо на неё.

В коридоре мелькает смех и сразу тишина.

Позже мы на лестнице между этажами. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Отворачиваюсь к стеклу, беру паузу на три счёта. Елена не трогает меня, только ждёт.

— Оставь это решение мне.

— Нет, не стану.

Я опускаю локти на столешницу и сцепляю руки.

— Снова, теми же словами.

— Не возьму это решение на себя.

Я опускаю телефон экраном вниз и убираю пальцы.

Нельзя рубить с плеча. Дверь прикрывается мягко, а внутри всё равно вздрагивает.

Спустя полчаса мы в пустой переговорной. Линия света под потолком подрагивает.

Уведомление вспыхивает резко. Текст короткий, но режет без промаха.

— Что там написано?

— Всё жёстко.

Я разворачиваю плечи и собираю дыхание в ровный темп.

— Всё рухнет?

— Да. Если сейчас не держаться вместе.

Я отталкиваю стул коленом и остаюсь стоять.

Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

Ближе к полуночи мы в служебной кухне. Лампа моргает едва заметно.

Теперь между нами слишком мало воздуха. Я касаюсь её запястья и жду кивка.

— Скажи, можно?

— Можно.

Я сокращаю расстояние на шаг и останавливаюсь.

Это короткий поцелуй без спешки. После него воздух становится плотнее.

За дверью вспыхивает чужой смех и обрывается.

Ещё позже мы на парковке под дождём. Неон у двери нервно подмигивает.

— Дальше — вдвоём?

— Да.

Я снимаю часы и убираю их в карман, после чего киваю.

— Даже если снова накроет?

— Да. Без скидок.

Я подаюсь ближе, но фиксирую границу.

Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

На обратном пути мы в машине на красном светофоре. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

Чай, бумага и табак смешиваются в густой тёплый запах. Он убирает часы, будто освобождает руки для серьёзного разговора.

Мы садимся рядом. После такого дня притворяться уже нечем.

— Чёрт, мне страшно.

— Я тоже боюсь.

Я почти дохожу до двери и снова иду назад.

— Тогда будь здесь.

— Не спрячусь.

Я скидываю пиджак на спинку кресла и остаюсь в рубашке.

Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

Перед самым закрытием мы в гримёрке за сценой. Низкий свет не снимает остроту момента.

Батарея отдаёт железом и тёплой краской. Замок щёлкает негромко, но по нервам проходит остро.

— Не молчи.

Я делаю шаг ближе и останавливаюсь.

— Я пытаюсь сказать аккуратно.

— Ты опять закрылась.

Я подхожу к двери, касаюсь ручки и возвращаюсь.

— А ты опять давишь темпом.

— Хорошо, идём медленнее.

Я снимаю пиджак и кладу его на кресло сзади.

— Идём.

Стакан глухо ударяется о стол.

Через час мы у пруда во внутреннем саду. Окно бросает на пол узкую световую дорожку.

Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Снаружи кто-то смеётся, но звук быстро тонет.

— Дальше вместе?

— Да, слушаю.

Я уйду к двери и тут же возвращаюсь в комнату.

— Даже если снова будет трудно?

— Даже тогда.

Я стягиваю пиджак с плеч и вешаю на спинку.

Она уходит первой и даже не оглядывается.

У двери, уже на пороге, бросает через плечо: «До завтра, Артём».

Впервые моё имя звучит так, что обычное «завтра» кажется угрозой.

Глава 3. Пять минут тишины

Лента неона моргает с неприятным ритмом.

Дождь и парфюм смешались в один резкий запах.

Снаружи давит страх показаться слабой.

Я вижу Артёма в конце коридора, и под рёбрами сразу стягивает тугим узлом.

Ближе к полуночи мы в машине на красном светофоре. На полу лежит прямоугольник холодного света.

Артём смотрит прямо и ждёт, пока я начну.

— Стартуем?

— Да.

Я стискиваю ремешок, ловлю себя на этом и отпускаю.

Ещё шаг — и назад идти будет труднее. Ставлю стакан на стол слишком резко.

Ещё позже мы в гримёрке за сценой. Пол рассечён полосой холодного света.

— Стоп.

— Принято.

Я делаю один шаг в его сторону и замираю.

— Ты прячешься в ровном голосе.

— А ты жмёшь на газ.

Я кручу стакан пальцами, чтобы не сорваться в жесткость.

— Тормозим.

— Тормозим.

Я шагаю к нему и тут же останавливаюсь.

Рука срывается, и стакан звенит о край столешницы.

На обратном пути мы у пруда во внутреннем саду. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Сбоку в разговор врезается чужой голос.

— Здесь больше личного, чем дела.

— Здесь всё сказано вслух.

Я касаюсь стены плечом и отсчитываю три удара пульса.

— После события все смелые.

— После события обычно лгут. Мы не лжём.

Я поправляю волосы и тяну долгий вдох.

Перед самым закрытием мы у стойки регистрации. Свет дрожит на краю стены.

Я отворачиваюсь к окну и медленно считаю до трёх. Артём не трогает меня, только ждёт.

— Не принимай это за меня.

— Не сделаю этого.

Я упираюсь в стол бедром и фиксирую дистанцию.

— Скажи ещё раз.

— Обещаю, не буду.

Я держу подбородок высоко и не мигаю.

Нельзя прятаться за красивыми словами. Она проводит пальцами по манжете и сразу убирает руку.

Через час мы в зале с полукругом кресел. Неон мелькает, добавляя злости. Экран вспыхивает. От двух строк по спине проходит холод.

— Что случилось?

Я чувствую, как горло пересыхает ещё до ответа.

— Плохо.

— Нас это утопит?

Я прижимаюсь лопатками к стене и считаю до трёх.

— Если разбежимся — точно.

К одиннадцати мы в стеклянной галерее. Свет бьёт в лицо жёстко, без тени. Мы оказываемся ближе, и оба это замечаем. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Можно?

— Да.

Я отбрасываю прядь назад и стараюсь дышать ровнее.

Поцелуй короткий, почти на выдохе. После него говорить сложнее. Голос спокойный, пальцы — нет. Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

Почти в полночь мы в библиотеке между тёмными полками. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Ночь дожимает до простых слов. В сообщении от него одна строка: «Завтра. Если захочешь».

— Продолжаем?

— Да, идём.

Я нахожу стену спиной и медленно считаю до трёх.

— Даже если нас снова потрянёт?

— И тогда тоже.

Я приглаживаю волосы у виска и задерживаю дыхание на секунду.

Стакан глухо ударяется о стол.

После короткой паузы мы в узком лифте. Подсветка чуть мерцает, как на плохом кадре. Мы садимся рядом на край стола. Усталость делает нас честнее.

— Мне страшно.

— Мне тоже.

Я остаюсь у стола, бедром в край, и не двигаюсь вперёд.

— Тогда не пропадай.

— Не исчезну.

Я выпрямляю шею и смотрю прямо ему в глаза.

Голос держится, а пальцы выдают меня первой дрожью. За дверью вспыхивает чужой смех и обрывается.

Немного позже мы на лестнице между этажами. Линия света под потолком подрагивает.

Дождь и парфюм смешались в один резкий запах. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

Артём молча занимает место напротив.

— Начнём?

— Да.

Я цепляюсь бедром за стол, сохраняя расстояние.

Ещё шаг, и двери назад почти не останется. Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

Через десять минут мы в пустой переговорной. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

— Стоп.

— Принято.

Я засовываю руки в карманы, чтобы удержать их на месте.

— Ты ставишь стену из спокойствия.

— А ты лезешь напролом.

Я отворачиваюсь к стеклу и снова встаю напротив.

— Берём паузу и говорим тише.

— Да, тише.

Я держу ладони в карманах, пока пульс не выровняется.

Позже мы в служебной кухне. Неоновая полоска у двери дрожит и раздражает.

К нам подходит сотрудник и задаёт вопрос так, будто это допрос.

— Это уже не работа.

— Это работа без фальши.

Я скольжу пальцами по холодному стеклу, не давая рукам сжаться.

— Так все говорят.

— Не все говорят правду.

Я подхожу ближе на шаг и фиксируюсь.

Ещё шаг — и обратный путь станет больнее. В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

Спустя полчаса мы на парковке под дождём. Низкий свет не снимает остроту момента.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Она цепляет рукав и тут же отпускает.

Поворачиваюсь к стеклу и считаю, чтобы не сорваться. Артём не трогает меня, только ждёт.

— За меня не выбирай.

— Не буду.

Я замираю у стены и считаю до трёх, чтобы не сорваться.

— Повтори вслух.

— Нет, не стану.

Я убираю волосы за ухо и выравниваю дыхание.

Ещё шаг, и откатить назад уже не выйдет без боли. Замок щёлкает негромко, но по нервам проходит остро.

Ближе к полуночи мы в машине на красном светофоре. Лампа моргает едва заметно.

Телефон загорается, и внутри всё сжимается. Сообщение короткое, но жёсткое.

— Что пришло?

— Неприятно.

Я опираюсь о стол и не перехожу границу между нами.

— Мы это переживём?

— Да, если каждый уйдёт в свою сторону.

Я поднимаю подбородок и не отвожу взгляд.

Если совру сейчас, меня тряхнёт раньше, чем его. Снаружи кто-то смеётся, но звук быстро тонет.

Ещё позже мы в гримёрке за сценой. Лампы делают лица резкими и уставшими.

Расстояние между нами почти исчезает. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Разрешишь?

— Можно, если аккуратно.

Я сминаю ремешок сумки пальцами и тут же отпускаю.

Губы встречаются на секунду. И сразу каждое слово весит больше. Держу тон, хотя ладони холодные и влажные. Она поправляет манжету, просто чтобы занять руки.

На обратном пути мы у пруда во внутреннем саду. Свет дрожит на краю стены.

— Идём вперёд?

— Да, начинаем.

Я отступаю чуть назад и упираю руку в столешницу.

— Даже если будет больно?

— Да, даже так.

Я цепляюсь за ремешок и быстро разжимаю ладонь.

Нельзя юлить — ни перед ним, ни перед собой. Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

Перед самым закрытием мы у стойки регистрации. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Железный запах радиатора щиплет нос. Телефон щёлкает уведомлением и умирает в тишине.

Мы опускаемся рядом. Усталость быстро снимает лишнюю броню.

— Я боюсь.

— Мне так же.

Я прячу дрожащие руки в карманы и смотрю прямо.

— Тогда оставайся в разговоре.

— Не уйду.

Я делаю шаг к окну и возвращаюсь к ней.

Через час мы в зале с полукругом кресел. Подсветка чуть мерцает, как на плохом кадре.

— Можно ближе?

— Можно. Я не отступаю.

Я пальцами убираю прядь и делаю глубокий вдох.

— Ты снова говоришь так, будто ничего не чувствуешь.

— А ты снова торопишь, когда мне нужно перевести дыхание.

Я опираюсь о стену и считаю до трёх, возвращая дыхание.

— Ладно. Сбавляем.

— Сбавляем.

Я поправляю волосы и вдыхаю медленно, через нос.

Ещё шаг — и назад идти будет труднее. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

К одиннадцати мы в стеклянной галерее. Линия света под потолком подрагивает.

— Мы не останавливаемся?

— Да.

Я опираюсь бедром о стол, не сокращая расстояние.

— Даже если снова накроет?

— И в этот раз тоже.

Я поднимаю голову и смотрю ровно, без дрожи.

Я долго смотрю на экран, не отвечая.

Сообщение от него короткое: «Завтра. Если захочешь».

Я стираю три черновика ответа и всё равно не могу решить, чего боюсь сильнее: прийти или не прийти.

Глава 4. Ужин под камерами

От окна тянется светлая линия по плитке.

Снаружи давит совет и гости, ждущие ошибки.

Я вижу Елену в конце коридора и сразу считаю риски: лёгкого разговора не будет.

Ещё позже мы у стойки регистрации. Окно бросает на пол узкую световую дорожку.

Елена смотрит прямо и ждёт, пока я заговорю.

— Поехали?

— Да, слушаю.

Я делаю шаги к выходу, но разворачиваюсь.

На обратном пути мы в зале с полукругом кресел. Лампа моргает едва заметно.

Чай, бумага и табак смешиваются в густой тёплый запах. Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

— Больно?

— Да. Но я остаюсь.

Я упираюсь локтями в стол и замыкаю пальцы в замок.

— Ты опять закрылась.

— А ты опять давишь темпом.

Я переворачиваю телефон и убираю руку со стола.

— Хорошо, идём медленнее.

— Идём.

Я кладу локти на стол и крепко сцепляю пальцы.

В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

Перед самым закрытием мы в стеклянной галерее. Свет ложится так, что не спрятаться.

К нам подходит человек из команды, и разговор тут же срывается.

— Вы слишком увлеклись друг другом.

— Мы ничего не делаем молча.

Я отодвигаю стул и остаюсь у стола.

— Это легко сказать задним числом.

— Легко врать. Мы не врём.

Я выравниваю плечи и медленно выдыхаю.

Через час мы в библиотеке между тёмными полками. Лампы подсвечивают каждую эмоцию.

Батарея отдаёт железом и тёплой краской. Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

Я смотрю в окно и считаю до трёх, собирая дыхание. Елена не трогает меня, только ждёт.

— Не делай шаг за меня.

— Не возьму это решение на себя.

Я убираю часы в карман пиджака и киваю.

— Ещё раз, пожалуйста.

— Не сделаю этого.

Я делаю шаг вперёд и сразу замедляюсь.

Стакан глухо ударяется о стол.

К одиннадцати мы в узком лифте. На полу лежит прямоугольник холодного света. Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

Экран бьёт светом в глаза. Пара слов — и становится холоднее.

— Что в сообщении?

— Новости тяжёлые.

Я иду к двери и через секунду возвращаюсь.

— Нас размажет?

— Рухнет, если отпустим друг друга.

Я снимаю пиджак и оставляю его на кресле.

Почти в полночь мы на лестнице между этажами. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Мы подходим ближе на полшага. Я касаюсь её запястья и жду кивка.

— Я могу?

— Да, можно.

Я опираюсь рукой о стол и встречаю её взгляд.

Поцелуй выходит тихим. После него тишина режет сильнее. Она проводит пальцами по манжете и сразу убирает руку.

После короткой паузы мы в пустой переговорной. Пол рассечён полосой холодного света.

Ночь дожимает до простых слов. После ужина он подписывает паузу и понимает, что опоздал с разговором.

— Дальше — вдвоём?

— Да, идём.

Я отхожу на полшага и не давлю близостью.

— Даже если снова будет трудно?

— Да. Без скидок.

Я прижимаю ладонь к столу и смотрю ей в лицо.

Главное — слушать. Дверь закрывается почти бесшумно, а отзвук остаётся в груди.

Немного позже мы в служебной кухне. Неон у двери нервно подмигивает.

Садимся бок о бок на край стола. Роли осыпаются сами.

— Мне не по себе.

— Я тоже это чувствую.

Я ставлю локти на край стола и соединяю пальцы.

— Тогда не уходи в тишину.

— Я здесь.

Я кладу телефон экраном к дереву и отвожу ладонь.

Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

Через десять минут мы на парковке под дождём. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

Елена молча занимает место напротив.

— Готова?

— Да.

Я опираюсь локтями о стол и сцепляю ладони.

Лучше сделать паузу, чем ляпнуть лишнее. Стакан глухо ударяется о стол.

Позже мы в машине на красном светофоре. Свет дрожит на краю стены.

— Больно?

— Да, начинаем. Но я остаюсь.

Я кладу часы в карман и подтверждаю кивком.

— Ты прячешься в ровном голосе.

— А ты жмёшь на газ.

Я подхожу ближе на шаг и удерживаю расстояние.

— Тормозим.

— Тормозим.

Я прячу часы в карман и молча киваю.

Спустя полчаса мы в гримёрке за сценой. Лента неона моргает с неприятным ритмом.

Чай, бумага и табак смешиваются в густой тёплый запах. Ставлю стакан на стол слишком резко.

Сбоку в разговор врзается чужой голос.

— Здесь больше личного, чем дела.

— Здесь всё сказано вслух.

Я скидываю пиджак и цепляю его на спинку.

— После события все смелые.

— После события обычно лгут. Мы не лжём.

Я дохожу до двери и возвращаюсь.

Важнее слышать, чем спорить. Дверь садится в проём без хлопка, и всё равно становится жёстче.

Ближе к полуночи мы у пруда во внутреннем саду. Низкий свет не снимает остроту момента.

Отворачиваюсь к стеклу, беру паузу на три счёта. Елена не трогает меня, только ждёт.

— Оставь это решение мне.

— Обещаю, не буду.

Я отступаю чуть назад, освобождая ей место.

— Снова, теми же словами.

— Не буду.

Я упираюсь ладонью в стол и держу с ней контакт глазами.

Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

Ещё позже мы у стойки регистрации. Подсветка чуть мерцает, как на плохом кадре.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Стакан глухо ударяется о стол.

Уведомление вспыхивает резко. Текст короткий, но режет без промаха.

— Что там написано?

— Всё жёстко.

Я кладу локти на стол и стискиваю пальцы в замок.

— Всё рухнет?

— Да. Если сейчас не держаться вместе.

Я укладываю телефон экраном вниз и убираю руку в сторону.

На обратном пути мы в зале с полукругом кресел. От окна тянется светлая линия по плитке.

Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Она сжимает рукав и сразу отпускает.

Теперь между нами слишком мало воздуха. Я касаюсь её запястья и жду кивка.

— Скажи, можно?

— Можно.

Я тяну плечи назад и возвращаю дыханию ритм.

Это короткий поцелуй без спешки. После него воздух становится плотнее. Она поправляет манжету, просто чтобы занять руки.

Перед самым закрытием мы в стеклянной галерее. Неон мелькает, добавляя злости.

— Дальше вместе?

— Да.

Я двигаю стул в сторону, выбирая стоять.

— Даже если нас снова потрянёт?

— Даже тогда.

Я расправляю плечи и заставляю дыхание успокоиться.

Дверь прикрывается мягко, а внутри всё равно вздрагивает.

Через час мы в библиотеке между тёмными полками. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Дождь и парфюм смешались в один резкий запах. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

Мы садимся рядом. После такого дня притворяться уже нечем.

— Чёрт, мне страшно.

— Я тоже боюсь.

Я убираю часы, будто убираю лишний шум, и киваю.

— Тогда будь здесь.

— Не спрячусь.

Я двигаюсь к ней и останавливаюсь в безопасной точке.

Я ставлю стакан на стол с коротким сухим стуком.

К одиннадцати мы в узком лифте. Окно бросает на пол узкую световую дорожку.

— Стоп.

— Принято.

Я кладу ладонь на столешницу и смотрю ей прямо в глаза.

— Ты ставишь стену из спокойствия.

— А ты лезешь напролом.

Я делаю маленький шаг назад и даю ей выбор.

— Берём паузу и говорим тише.

— Да, тише.

Я ставлю руку на стол и выдерживаю её взгляд.

Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

— Продолжаем?

— Да, слушаю.

Я упираю локти в стол и сцепляю руки перед собой.

— Даже если будет больно?

— И тогда тоже.

Я переворачиваю телефон и отступаю пальцами от края стола.

Я ставлю подпись под паузой и чувствую, как в груди становится пусто.

Телефон вспыхивает: «Не решайте за меня».

Я уже сделал именно это.

Глава 5. Чемодан у двери

Колёсики чемодана гремят по плитке слишком громко для шести утра.

Я уже стою у стойки выезда, когда в общем чате всплывает напоминание о первом блоке дня.

В лобби собираются участники: кто-то делает вид, что не замечает меня, кто-то смотрит прямо, как на человека, который сдался.

Я тянусь к карте-ключу, и в этот момент из лифта выходит Артём.

Он останавливается в трёх шагах, ничего не говорит, только смотрит на чемодан.

Становится ясно: уехать тихо не получится.

Снаружи у входа уже ждёт такси.

Я выхожу на крыльцо, ставлю чемодан рядом с мокрой колонной и отменяю поездку одним движением пальца.

Дождь липнет к ресницам, и в этот момент решение перестаёт быть красивым и становится моим.

Артём выходит за мной. Я разворачиваюсь слишком резко и почти срываюсь на крик:

— Доволен? Я осталась.

Он сжимает челюсть, но подходит ближе.

— Я бы не выдержал, если бы ты ушла вот так.

Я бью ладонью по ручке чемодана так, что пластик глухо хрустит.

— Я сама себя сейчас не выдерживаю.

Артём встаёт напротив и ждёт первого слова.

— Входим?

— Да. Сейчас.

Я упираюсь бедром в край стола и держу между нами воздух.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Экран вспыхивает на секунду и гаснет.

Перед самым закрытием мы в узком лифте. Лампы тёплые, но в груди от этого не спокойнее.

В воздухе чайный пар, бумажная пыль и лёгкий табак. Замок щёлкает негромко, но по нервам проходит остро.

— Ты мне веришь?

— Не знаю. Я злюсь сильнее, чем верю.

Я прячу ладони в карманы, чтобы скрыть дрожь.

— Ты снова говоришь так, будто ничего не чувствуешь.

— А ты снова торопишь, когда мне нужно перевести дыхание.

Я утыкаюсь взглядом в окно и потом снова поворачиваюсь.

— Ладно. Сбавляем.

— Сбавляем.

Я убираю руки в карманы, пока пальцы не успокоятся.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Оба варианта режут одинаково. В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

Через час мы на лестнице между этажами. Низкий свет не снимает остроту момента.

В воздухе дерево и холод, как в пустом театре после дождя. Часы соскальзывают с его запястья на столешницу.

К нам подходит сотрудник и задаёт вопрос в лоб.

— Это уже не работа.

— Это работа без фальши.

Я цепляюсь пальцами за стакан, чтобы не сжать кулаки.

— Так все говорят.

— Не все говорят правду.

Я двигаюсь к нему и останавливаюсь, не дыша.

Я держу голос ровно, но ладони скользят, и пульс бьёт в запястьях. Снаружи кто-то смеётся, но звук быстро тонет.

К одиннадцати мы в пустой переговорной. Свет ложится так, что не спрятаться.

Пахнет заваркой, книгами и тонкой табачной горечью. Он убирает часы, будто освобождает руки для серьёзного разговора.

Я отворачиваюсь к окну и медленно считаю до трёх. Артём не трогает меня, только ждёт.

— Не решай это за меня.

— Нет, не стану.

Я прижимаюсь к стене и отсчитываю три коротких вдоха.

— Скажи ещё раз.

— Я не буду решать это за тебя.

Я заправляю волосы за ухо и медленно вдыхаю.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. В коридоре мелькает смех и сразу тишина.

Почти в полночь мы в служебной кухне. Лампы подсвечивают каждую эмоцию.

Железный запах радиатора щиплет нос. Стакан глухо ударяется о стол.

Экран вспыхивает. От двух строк по спине проходит холод.

— Что случилось?

Я чувствую, как горло пересыхает ещё до ответа.

— Плохо.

— Нас это утопит?

Я обвожу пальцем край стакана, удерживая себя.

— Если разбежимся — точно.

Часы ложатся на стол тихим металлическим звуком.

После короткой паузы мы на парковке под дождём. Тёплый свет только подчёркивает, как всем не по себе.

Чай, бумага и табак смешиваются в густой тёплый запах. Из коридора долетает короткий смех и тут же гаснет.

Мы оказываемся ближе, и оба это замечаем. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Можно?

— Да.

Я сокращаю расстояние на шаг и замираю.

Поцелуй короткий, почти на выдохе. После него говорить сложнее. Я утыкаюсь лбом ему в плечо, и меня буквально трясёт от злости и облегчения сразу.

Он обнимает крепче, чем обычно, ладонью фиксирует мою талию, будто проверяет, что я правда здесь.

— Не уходи в одиночку, — говорит он низко.

— Тогда не прячься за спокойствие, — шепчу я ему в ворот.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Ни один вариант не кажется лёгким. Смартфон подаёт сигнал и снова молчит.

Немного позже мы в машине на красном светофоре. Линия света под потолком подрагивает.

Пахнет сухим деревом и мокрым ночным воздухом. Он расстёгивает ремешок часов и кладёт их рядом с рукой.

Ночь дожимает до простых слов. Ночью в саду она говорит: «Я остаюсь. Но по-своему».

— Идём вперёд?

— Да, идём.

Я глажу стекло стакана пальцами, чтобы не сорваться.

— Даже если снова накроет?

— Да, даже так.

Я делаю шаг к нему и замираю на полпути.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Дверь садится в проём без хлопка, и всё равно становится жёстче.

Через десять минут мы в гримёрке за сценой. Лампа моргает едва заметно.

От старой батареи идёт металлическая сухость. Телефон щёлкает уведомлением и умирает в тишине.

Мы садимся рядом на край стола. Усталость делает нас честнее.

— Мне страшно.

— Мне тоже.

Я прислоняюсь к холодной стене и считаю до трёх.

— Тогда не пропадай.

— Не исчезну.

Я убираю прядь с лица и набираю воздух в лёгкие.

Голос спокойный, пальцы — нет. Она машинально проводит пальцами по манжете.

Позже мы у пруда во внутреннем саду. Свет бьёт в лицо жёстко, без тени.

В воздухе мокрый асфальт и тонкий шлейф духов. Дверь прикрывается мягко, а внутри всё равно вздрагивает.

Артём останавливается напротив и не торопит.

— Стартуем?

— Да.

Я упираюсь спиной в стену и считаю про себя: раз, два, три.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Часы соскальзывают с его запястья на столешницу.

Спустя полчаса мы у стойки регистрации. Лампы делают лица резкими и уставшими.

Пахнет мокрой тканью, кофе и металлом. Я опускаю стакан чуть резче, чем собиралась.

— Ты мне веришь?

— Я тебя слышу.

Я сдвигаюсь на полшага и ловлю опору ладонью о стол.

— Ты опять закрылась.

— А ты опять давишь темпом.

Я сжимаю ремешок до боли в пальцах и отпускаю.

— Хорошо, идём медленнее.

— Идём.

Я отхожу на полшага, ладонь ложится на край стола.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. За дверью вспыхивает чужой смех и обрывается.

Ближе к полуночи мы в зале с полукругом кресел. Неоновая полоска у двери дрожит и раздражает.

Дерево в зале отдаёт сухим теплом, а из щелей тянет холодом. Телефон коротко дрожит и затихает.

К нам подходит сотрудник, и ритм разговора ломается. Слишком узнаваемый момент.

— Вы слишком увлеклись друг другом.

— Мы ничего не делаем молча.

Я поворачиваюсь к окну и возвращаюсь к разговору.

— Это легко сказать задним числом.

— Легко врать. Мы не врём.

Я сую ладони в карманы, чтобы не выдать дрожь.

Ноги просят выход, тело тянет обратно. Оба пути плохие, и это бесит. Он убирает часы, будто освобождает руки для серьёзного разговора.

Ещё позже мы в стеклянной галерее. Свет мягкий, а напряжение всё равно держит за горло.

Сухой древесный запах сталкивается с прохладой с улицы. Щелчок замка тихий, но от него сводит плечи.

Поворачиваюсь к стеклу и считаю, чтобы не сорваться. Артём не трогает меня, только ждёт.

— За меня не выбирай.

— Не сделаю этого.

Я двигаю стакан пальцами, гася желание сжать кулаки.

— Повтори вслух.

— Обещаю, не буду.

Я двигаюсь к нему на шаг и останавливаюсь.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Рука срывается, и стакан звенит о край столешницы.

На обратном пути мы в библиотеке между тёмными полками. Свет дрожит на краю стены.

В воздухе дерево и холод, как в пустом театре после дождя. Дверь закрывается почти бесшумно, а отзвук остаётся в груди.

Телефон загорается, и внутри всё сжимается. Сообщение короткое, но жёсткое.

— Что пришло?

— Неприятно.

Я касаюсь стены плечом и отсчитываю три удара пульса.

— Мы это переживём?

— Да, если каждый уйдёт в свою сторону.

Я поправляю волосы и тяну долгий вдох.

Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. Она цепляет рукав и тут же отпускает.

Перед самым закрытием мы в узком лифте. Подсветка чуть мерцает, как на плохом кадре.

Дождь и парфюм смешались в один резкий запах. Экран вспыхивает на секунду и гаснет.

Расстояние между нами почти исчезает. Он касается моего запястья и ждёт кивка.

— Разрешить?

— Можно, если аккуратно.

Я опираюсь о стол и оставляю между нами безопасный промежуток.

Губы встречаются на секунду. И сразу каждое слово весит больше. Я прижимаю язык к нёбу и заставляю себя остаться в этом разговоре. В кармане глухо дрожит телефон, потом тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.